

АНАР 85

Kulis.az 18 марта 2019 интервью Фариды Гусейна с Народным писателем, председателем СПА Анаром

– *«Люди продолжают оставаться гордыми до получения первой премии. Как только они получают первую из ста наград, начинают жить в тоске по остальным девяноста девяти».* Это цитата из ваших «Ночных размышлений». А жил ли в тоске по какой-нибудь награде сам Анар?

– Искренне ответить, Фарид?

– Да.

– Я никогда не мечтал получить какую-либо награду. Если получаю – радуюсь, благодарю тех, кто счел меня достойным, но я не то что бы не тоскую, но даже думать не думаю о каких-либо наградах. Ни сейчас, ни в молодости я не - рвался получить награды.

– *Ваше детство прошло в эпоху Сталина. Вот люди могут спросить: «Что отняли у вас те годы?», а я хочу поставить вопрос иначе: «Что дали вам те годы?»*

– В те годы я был школьником. Не могу сказать, что сталинские годы оказали непосредственно серьезное влияние на мою жизнь, но я хорошо помню детство и то время. Я никогда не любил Сталина. Когда он умер, учителя и ученики в школе плакали, но я не плакал и сохранял спокойствие.

– *В рассказе «Конечно, встретимся» вы раскритиковали турецкие реалии. Не стали ли упрекать вас тамошние друзья после публикации рассказа?*

– Нет, никто ни в какой форме недовольства не выражал. Потому что этот рассказ рожден моей любовью к Турции. У меня есть сатирический рассказ и об азербайджанских реалиях, «Молла Насреддин-бб», сейчас я пишу и другие сатирические рассказы. Это вовсе не означает того, что я не люблю Турцию или Азербайджан. Я всего лишь раскритиковал некоторые неприятные, неприемлемые нюансы. Этот рассказ больше нравится проживающим в Турции азербайджанцам, так как и они сталкиваются с теми же проблемами.

– *В романе «Шестой этаж пятиэтажного дома» вы уходите в такие глубокие детали, что у читателя невольно возникает мысль: произведение автобиографично. В этом романе есть автобиографические детали?*

– В последние годы я редко провожу встречи с читателями, но раньше это случалось часто. И на каждой встрече меня спрашивали: с кого списана Тахмина? Но ни мои герои, ни героини ни с какого конкретного в реальности человека не списаны, это образы, возникшие благодаря прочитанным и услышанным историям, произведение – плод писательского воображения, фантазии. Раз это плод воображения, ни слова быть не может об автобиографических деталях.

– *После 1980-х годов в вашем творчестве стал преобладать жанр документальной мемуаристики. Какая необходимость побудила вас обратиться к жанру документальных мемуаров?*

– Мне стало казаться, что вымышленную историю могу написать как я, так и другой писатель. Но есть такие вещи, о которых могу написать только я, ибо именно я оказался свидетелем тех событий, жил с этими людьми в одном времени и пространстве. Поняв основательность и необходимость тех событий, я подумал, что они должны быть записаны и разделены с читателями. Я написал «Без вас», а потом книгу

о Назыме Хикмете «Как Керем», думаю, там отражены чувства, вызывающие в читателях теплоту.

– В рассказе «Сказка доброго падишаха» вы отразили идею того, как тоталитаризм приводит к абсурду. А в чем вы как писатель видите абсурд демократии?

– Черчилль говорит: «У демократии много изъянов, но человечество еще не изобрело устройства лучше». В России провели опрос на тему «Какого властителя вы бы хотели?» и первое место занял Сталин. А то, насколько Сталин далек от демократии, вы знаете сами. То есть демократию должен требовать народ, народ сам должен выбрать этот режим. Демократия порой приводит к распущенности. Свобода слова, свобода мысли далеко не всегда дают положительные результаты. Люди видят, что общество равняется на образ жизни шоу-бизнеса, и устают, и хотят, чтобы пришел кто-нибудь жесткий, как Сталин, и выкорчевал эти сорняки. Но эти же люди не понимают, что у такого режима есть и репрессии, что страна может превратиться в тюрьму и т.д. А что если демократия не есть желание большинства и страна управляется демократическими принципами? Вот в таких случаях и возникает абсурд демократии.

– Думали ли вы о падении советской империи, переводя произведение Анны Мари Матуте «Мы начали писать потому, что были недовольны...» и видя там падение фашизма?

– Я знал, что Советская империя падет, но не предполагал, что это случится так быстро. Тогда я перевел это произведение потому, чтоб люди знали о пошатнувшемся режиме. Думаю, люди поняли мой намек.

– Мне кажется удивительным, что цензура пропустила эту вещь. Как вы добились публикации?

– Наши цензоры были не столь умны, как московские. Они были глуповаты и не смогли уловить подтекст этой вещи.

– Всегда особо отмечают, что Анар был сыном Расула Рза и потому все двери ему были открыты, он был материально обеспечен и написал множество вещей. Но я хотел бы узнать – в чем заключалась ответственность быть сыном Расула Рза?

– Совет правления Союза писателей состоял из 40 членов. До смерти Расула Рза я даже не входил в совет правления. В каком смысле Расул Рза мне помог? В том смысле, что я рос среди книг, общался с интересными людьми. Но никто не может сказать, что Расул Рза взял и напечатал книгу Анара. Такие слова говорят самые подлые люди – он стал писателем потому, что родился в семье писателя. В писательских семьях рождается немало детей, и что, они все становятся писателями?! Что касается ответственности быть сыном Расула Рза и Нигяр Рафибейли, то эта ответственность присутствовала всегда, в том смысле, что я всегда старался быть достойным их высокого имени. Те, кому они приходились не по душе, относились и относятся с антипатией и ко мне. Кроме всего, прийти в литературу из родительского лона лучше, чем из-под пазухи чужих людей.

– Ваши книги выходят за рубежом, но вы никогда это особо не акцентируете, вам хватает коротких информационных заметок. Почему?

– Я не занимаюсь подобными вещами. Это мне не к лицу. Да и совесть иметь надо, газеты поднимают шумиху по поводу публикации за рубежом обычного рассказа, а большие дела замалчивают. Недавно меня избрали председателем Союза писателей Тюркского Мира, спасибо Парвин ханым, она написала об этом в «525-ой газете». А в других газетах даже информацию об этом не дали.

– В «Сказке хорошего Падишаха» есть один момент, поэт за день слышит столько стихов, что бросается со скалы. Та же тенденция присутствует в обществе и по сей день, все пишут стихи. Что нам делать, Анар муаллим, броситься со скалы?

– Проблема, о которой ты говоришь, повальное желание писать, есть и сегодня, но вот только со скалы никто не бросается (смеется). Сегодня всё это выглядит гораздо отчетливее, так как много сайтов и газет, все могут печататься. За прозу берется не каждый, особенно те, кто осведомлен о ее сложности, но со стихами всё проще: сидит дома вечером один такой «поэт», кропает стишки, а утром голосит на весь мир, что он якобы поэт. К сожалению, предотвратить поток этих текстов невозможно, но литературная критика не обращает на это внимания, не отделяет зерна от плевел. Настали времена, когда всё решают деньги. Раз есть деньги, можно даже не писать самому, заказать другому книгу, затем заплатить и издать эту книгу, а потом за деньги организовать хвалебные критические статьи. Часть пишущих, я знаю, пишут только за деньги. Потому что если те, кто пропагандирует за счет денег свое творчество, не дадут денег, о них не напишут ни строчки. В 1930-х годах сверху спустили абсурдную идею «Литература ударников труда». Раз ты хороший слесарь, то обязательно должен быть писателем или поэтом. Под этим лозунгом в литературу пришли многие. Удивительно, что среди них были и талантливые, например, Мирза Ибрагимов. Однажды во время своего выступления рядом с Гейдаром Алиевым я привел этот пример и в качестве продолжения своей мысли сказал, что сегодня лозунг 30-х годов принял другую форму: «Тот, у кого есть деньги, должен писать, стать писателем». В наше время тот, у кого есть деньги, банки, виллы, объекты, думает: а почему бы не стать писателем?! Эта моя мысль очень понравилась покойному Гейдару Алиеву.

– Говоря о критиках, хочу вспомнить одну вашу мысль: «Некоторые писатели считают, что раз они не знакомы с каким-то писателем, то это вина того самого писателя. Но вне зависимости от открытия геологов – алмаз продолжает оставаться алмазом». Анар муаллим, довольны ли вы работой литературных геологов – критиков, проявляют ли они равнодушие к вашим алмазам – вашим произведениям? (смеется)

– Естественно, есть критики, которые знают, что алмаз есть алмаз, и они при необходимости проявляют внимание к моим произведениям. Но есть и такие, которые пишут и об угле, если им в карман опустить «алмаз» (смеется).

– Почему сейчас не пишутся рассказы вроде «Беседа женщины, работающей в гардеробе», почему больше пишут о прагматических сторонах любви?

– Сейчас все чувства ушли в виртуальность. Молодежь знакомится, признается в любви через интернет. Через интернет они собирают информацию – можно любить этого человека или нет. Увидев, что все параметры сходятся, они влюбляются и женятся. В нынешнее время такие рассказы, конечно же, выглядят сентиментально. Сюжет этого рассказа с точки зрения нынешней реальности – абсолютно далек, и если бы я взялся писать сейчас, то написал бы совершенно иначе. Я трезво оцениваю свой возраст, не в том смысле, что устал, силы иссякли, а в том, что понимаю: нынешняя молодежь сильно от нас отличается. Я бы даже сказал, что мы живем в параллельных мирах. Моему образу жизни не соответствует одновременно постигать мир реальный и виртуальный, жить параллельно в обоих.

– В некоторых текстах пишут, что в повести «Шанс» ощущается настроение «Чужого» Камю, в главном герое Фуаде ощущается экзистенция Мерсо. Есть и определенные сходства между «Мадам Бовари» Флобера и «Шестым этажом пятиэтажного дома». Давайте поговорим о влияниях на ваше творчество.

– Мне повезло еще и в том, что мои недруги глупы. Будь эти якобы выводящие меня на чистую воду глупцы чуть умнее, они говорили бы о других влияниях. Если взять этот принцип за основу, то можно найти сходства и между «Мадам Бовари» и «Анной Карениной». Большинство писателей читает Толстого, Флобера, Камю и, естественно, знают, что те писали. В этом смысле в моих произведениях нет прямых влияний, а общее влияние, конечно же, может иметься. В «Шансе» есть влияние не Камю, а дзенбуддийской философии. Могу привести конкретный факт: я всегда руководствовался философией делать добро и не ждать ответного. Дзенбуддисты считают, что раз ты делаешь добро и ждешь награды за это, то ты всё же корыстен. Настоящее совершенство заключается в том, чтобы ничего не ждать, никакой награды за свое добро. В «Шансе» я старался по мере сил отразить эту идею.

– В «Ночных размышлениях» порой ощущается вера в загробный мир, а порой нет. Чем продиктован этот парадокс?

– Вера в загробный мир – утешение. Раз ты столько жил, думал и чувствовал, раз есть люди и мир, как всё это может быть взято и исчезнуть? Есть еще такая мысль, что человек не умирает, а принимает иную форму. Например, я, допустим, не умер, стал гранатовым деревом, в чем тут для меня смысл? То есть, если нет памяти, какой смысл жить в той либо иной форме?! Моя вера в загробную жизнь пошатнулась после одной простой мысли. Да, мы говорим, есть жизнь, есть мир, судьба, как все это может бесследно исчезнуть. Но, ладно, вспомни: ведь всего этого не было до твоего прихода в мир, вот так оно и исчезнет после твоей смерти. То есть тебя после смерти не станет точно так же, как тебя не было до рождения. Две эти противоположные мысли о посмертном существовании постоянно волнуют меня: когда хочу себя утешить, думаю, что тот мир есть. Но, когда смотрю на мир трезво, понимаю, что концы и начала теряются во мраке. Я верю в Бога. Знаешь, в чем парадокс? Если веришь в Бога, то должен поверить и в загробную жизнь.

– В «Шансе» у вашего героя Фуада нет времени для размышлений, для постижения связанных с ним истин. Думаю, среди ваших произведений наиболее пророческим оказался «Шанс». Человек не занят необходимой работой в мировом масштабе, но у него нет времени понять не только других, но даже самого себя. В наше время, когда интернет, социальные сети занимают чуть ли не каждого, современный человек не находит времени на размышления. Вы описали трагедию современного человека на много лет раньше.

– Совершенно верно, Фарид. Когда я писал «Шанс», еще не было всех этих проблем, но имелись заботы того времени. Теперь есть проблемы, о которых ты говоришь, и ты прав, говоря, что у современного человека нет времени на размышления. Герой «Шанса» предполагает встретиться с собой когда-нибудь, но не находит на то шанса. А современный человек на это даже не надеется.

– Анар муаллим, в повести «Контакт» речь идет встрече в космическом, метафизическом плане, вы верите в контакт с небесами, божественной силой?

– Да, верю. Повесть «Контакт» мне будто надиктовали. Некоторые ситуации я видел во сне. Порой мне казалось, что кто-то мне звонит посреди ночи, или видел во сне, что кто-то стоит над моей головой и считает «один, два, три...»

– В своем творчестве вы отражали в основном светлые стороны жизни. А в романе «Белый овен, черный овен» описана и темные грани жизни. Поговорим об этом.

– Это роман-утопия. То есть я описал то, каким бы хотел видеть будущее Азербайджана. Кроме того, в этом произведении указаны некоторые угрозы нашего будущего. К счастью, те трагедии пока еще не произошли, но некоторые зачатки видны. Надо сделать так, чтобы эти возможные угрозы не претворились в жизнь.